

© 2009 г. М.Н. Тюрина

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

Рассматриваются вопросы формирования языковой культуры человека и общества в глобализирующемся мире, затрагиваются такие проблемы как широкое распространение английского языка, прежде всего за счет роста сети Интернет, а также угроза, которую несет язык Интернета и классическому, и живому литературному английскому языку. Таким образом, статья посвящена исследованию социокультурных противоречий, связанных с интернационализацией английского языка, действием «власти языка».

Ключевые слова: языковая культура, глобальное общество, «власть языка» в культуре.

Проблемы глобализации современного социума наиболее явно отражаются в сфере изменения языковой культуры личности и общества. Именно здесь происходит активный процесс взаимодействия социокультурных, ментальных, политико-организационных и т.д. факторов, связанных с глобальной информатизацией общества, становлением нового типа экономики и культуры. Российский исследователь информационного общества В.Л.Иноземцев утверждал: «Рассматривая процесс «глобализации», мы можем констатировать, что к началу XXI века в него в той или иной степени вовлечено практически все человечество» [1, с. 58]. Внешним проявлением языковой глобализации служит широчайшее распространение английского языка, прежде всего за счет взрывного роста сети Интернет, где 80% информации фиксируется и передается именно на этом языке. Такого рода «языковой экспансионизм» связан с тем, что современная экономика приобретает новые черты и характер, поскольку ее главным и основным продуктом становится информация. Экономическая ситуация такова, что страны все более и более различаются по принципам их участия в создании мирового продукта: именно англо-

говорящим странам принадлежит основная роль в создании новых технологий, научных и технических новаций, именно там сосредоточивается мировой менеджмент, формируются системы управления и финансов; другим же странам явно отводится роль ресурсодобывающих анклавов или «сборочных цехов», где рабочая сила занята в основном в сфере непосредственного материального производства. Недаром английский язык является официальным государственным языком более чем в 50 странах мира. В эпоху глобализации, как считает лингвист Д.Кристалл, английский становится языком межнационального общения, ибо количество людей, использующих этот язык, составляет более 1,1 млрд. человек. Правда, из них только четверть считает его своим родным языком [2].

Однако процесс глобального доминирования английского языка является не таким уж простым, как это кажется с первого взгляда, ведь за последние годы доля реально владеющих этим языком сократилась с 9,8% населения Земли до 7,6%. Как считает британский специалист в области лингвистики Д.Граддол, английский не сможет стать языком глобального общения, поскольку количество его носителей непрерывно уменьшается, и он уже занимает второе место в мире, уступая китайскому языку, на котором уже говорят свыше 1 млрд.200млн человек. По его мнению, к середине XXI в. английский уже будет на третьем месте по широте своего распространения после азиатских и индоевропейских языков [3]. Мало того, в странах «классического» английского языка, таких как Великобритания, бьют тревогу специалисты в области лингвистики: составители знаменитой Британской энциклопедии заговорили об угрозе, которую несет язык Интернета и классическому, и живому литературному английскому языку. В Интернете возникают и распространяются весьма специфические формы языкового общения, связанные как с образованием интернационального сленга, так и с сознательным искажением языковых форм, позволяющих, как представляется «интернетянам», выразить собственную индивидуальность, отличить живое общение от «машинных» форм передачи информации. Таким образом, интернализация английского языка грозит не только существованию национальных, этнических и региональных языков, но и развитию самого английского, поскольку последний может превратиться в своеобразную гибридную форму различных языков подобно лингве франка, койне и пиджину. Как известно, эти языки-по-

средники возникли в качестве торговых языков в эпоху активного развития мировой морской торговли и использовался прежде всего в портах и на рынках. В результате они становились одновременно и языками межнационального и межплеменного общения. Распределение «ингредиентов» из разных языков приводило к тому, что сформировались примитивизированные языковые формы, не несущие в себе глубокое культурное содержание.

В настоящее время английский язык существует в разных вариантах: можно, например, говорить об ирландском, канадском, австралийском, южно-африканском, индийском, американском и т.д. разновидностях английского, которые отнюдь не способствуют межнациональному общению, а довольно-таки часто тормозят его. М.Бёрнс отмечает: «Беспрецедентное распространение английского языка в мире приводит к тому, что возникают все новые его разновидности, формирующиеся под воздействием других языков и культур и отражающие элементы неанглосаксонского менталитета, моральных ценностей, культурно-исторических реалий, традиций, норм поведения. Примечательно, что если прежде, изучая английский язык как иностранный, студент ставил перед собой цель устно и письменно общаться без переводчика с носителем английского языка, то теперь более вероятны такие коммуникативные ситуации, когда для обоих собеседников английский язык, являясь языком-посредником, будет в равной степени неродным» [4, с. 8]. В результате возникает и следующая проблема: обучение иностранному языку (в данном случае английскому) проводится во многих учебных заведениях мира, и данный процесс ориентирован на Великобританию или США, однако при этом все чаще возникают ситуации, когда людям приходится сталкиваться с представителями не англо-саксонской культуры, что приводит к взаимному непониманию. Конечно, можно в ходе научного дискурса различать язык, с одной стороны, в качестве инструмента общения и коммуникации и, с другой стороны, в качестве, используя терминологию М.Хайдеггера, «дома бытия культуры», ее хранителя и средства воспроизводства. Однако подобное разделение носит абстрактный характер, ибо в реальности социокультурная коммуникация может быть успешной только в том случае, когда происходит не просто обмен «голой» информацией, а создание у коммуникантов общего поля культурных, ценностных установок. В противоположном же случае информация будет не понята или воспринята искаженным образом.

Таким образом, возникает противоречивая ситуация, когда все более широкое распространение английского языка приводит к его «размыванию» и упрощению.

Такие видные специалисты в области социологии культуры, как А. Турен и Т. Судзуки, также весьма скептически относятся к английскому языку как средству межкультурного общения в эпоху глобализации из-за того, что он обладает ярко выраженной национально-культурной спецификой. Его широкое распространение связано с тем, что называют «лингвистическим империализмом», экспансией языка с использованием методов властного и силового давления. Подобного рода экспансия сопровождается, как правило, экономическое, культурное, интеллектуальное и т.д. «имперское» воздействие. В результате широко заявленный лозунг «диалога культур» оборачивается в реальности процессами лингвофагии, «пожирания языков». Тем не менее, в современном мировом языковом пространстве продолжают существовать около 6800 языков, однако только менее сотни считаются государственными. Причем половина из существующих языков приходится на 8 стран – это Нигерия, Австралия, Мексика, Бразилия, Индонезия, Индия, Папуа - Новая Гвинея. По прогнозам специалистов, уже к концу XXI в. 90% языков исчезнет, что, кстати сказать, во многом связано с формированием глобальной массовой культуры, где голливудские фильмы, американизированные средства массовой информации и Интернет играют ведущую роль. Недаром во Франции еще в 1994 г. был принят закон, ограничивающий употребление американизмов в сфере делового и административного общения. В нашей стране и в некоторых странах Европы принимались юридические акты, согласно которым предприниматели должны были платить дополнительный налог за использование иностранных слов, прежде всего английских, в названиях своих торговых точек и фирм. Можно сказать, что ЮНЕСКО и другие международные организации, ставящие перед собой цель «спасения» региональных языков, явно проигрывают перед лицом экспансии глобальных информационных структур.

Как следует относиться к такого рода ситуации? Если следовать классическим идеям Ф. де Соссюра, считавшего, что языковые знаки произвольны в своем возникновении и развитии, то следует сделать вывод о том, что язык развивается независимо от человеческих норм, и человеческий разум не в си-

лах изменять или корректировать их развитие [5]. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи. Так, американский специалист в области языковой политики Д. Неттле считает, что планирование в сфере языка практически невозможно, поскольку этнолингвистическая обстановка связана прежде всего с нерегулируемыми, спонтанными ожиданиями населения, а отнюдь не с разумными шагами правительства [6]. Правда, существует и другая позиция, отправной точкой которой являются идеи творца концепции «открытого общества» К.Поппера. Обосновывая универсальный характер культуры западного демократического общества, он считал, что представление о языке как о самовыражении культуры, где немалую часть играет сфера эмоционально-когнитивных практик, является «романтическим» и в действительности скрывает попытки реванша националистических и этноцентристских идей. В действительности, по его мнению, язык является средством «рациональной коммуникации» и важнейшим институтом общества. Он должен быть ясен и понятен, поскольку основной его целью является «неискаженная» передача информации. Это важно для рационально построенного социума, а сфера эмоций, как считает К.Поппер, должна выражаться при помощи других, невербальных средств общения. Противоположная же трактовка языка, с точки зрения британского философа и социолога, пытавшегося на основании «критического реализма» утвердить идею «научно» организованного общества, ведет к обоснованию расизма, национализма, трайбализма и т.п. явлений [7, с. 357].

Попперовская позиция по проблемам формирования языковой культуры по отношению к языку как средству рационализации социума и культуры имеет в качестве источника представление о языке, сложившееся в период становления буржуазных государств в Западной Европе, где язык рассматривался прежде всего в качестве инструмента революционного переустройства общества и создания государств централизованного типа. Так, в революционной Франции XVIII в. был выпущен ряд законопроектов, запрещающих региональные диалекты и подтверждающих необходимость использования единых, обязательных норм языка для всех областей и провинций. Однако, как показывает история развития современного постиндустриального общества, проект европейского Просвещения потерпел крах. Утопической оказалась и идея «жесткого» связывания в одно целое языка, нации и государства.

Здесь достаточно привести такой пример: более трети стран ЕЭС имеют государственные языки, которые по своему названию не совпадают с названием титульной нации. Подобная ситуация характерна и для половины стран Азии.

Как показывает опыт, за самыми рациональными предложениями со стороны специалистов в области лингвистики, до тонкостей знающих нормативную структуру языка, его морфологию и синтаксис, часто скрываются проблемы, связанные с определенной социокультурной и исторической ситуацией, и действительные мотивы тех или иных политических действий в области языковой политики кроются в интересах определенных групп населения, перераспределении властных ресурсов, утверждении доминирования одной части общества над другой. Сплошь и рядом возникает ситуация, когда латентно и стохастически изменяющаяся языковая культура вступает в противоречие с открыто провозглашаемыми принципами официальной политики в области языка. Данная проблема осложняется тем, что языковая культура общества характеризуется наличием феномена, названного Ч.Фергюсоном диглоссией. Языковая диглоссия отражает прежде всего значимость языка как символической и престижной формы общения, способа, при помощи которого утверждается социальный и культурный статус человека. Речь идет не просто о существовании двух языков в обществе или двух форм одного языка, а о том, что «низкая» форма языка принадлежит той части социума, которая находится в непривилегированном положении, внизу социальной лестницы, а «высокая» форма языка является средством общения в высших сферах и используется, например, в официальной политической риторике, в научных и литературных кругах, церковных службах и т.д.

В глобализирующемся обществе социокультурные барьеры ломаются, и возникает противоречивое взаимодействие между этими формами языкового общения. Причем пальма первенства здесь, как правило, принадлежит языку, тиражируемому массовой культурой. Как заметил еще Ортега-и-Гассет, аристократия, ученые, элита общества подвержена «заражению» массовой культурой и сама становится представителем таковой. Данный феномен связан с проблемой власти языка, о которой писали известные ученые – начиная с В.фон Гумбольдта и заканчивая Р.Бартом.

По мнению Э.Сепира, было бы большой ошибкой считать, что мы полностью осознаем действительность, не прибегая к языку, и что язык является не главным, а побочным средством, которое предназначено для решения частных проблем, связанных с общением и мышлением. В действительности, по мнению классика лингвистики XX века, реальный мир на бессознательном уровне «строится» индивидом на основе языковых норм данной социокультурной группы. Именно языковые нормы нашего социума дают возможность нам определенным образом видеть, слышать и воспринимать окружающую действительность. Эту точку зрения поддерживает Б.Уорф, считающий, что большинство специалистов, говоря о влиянии норм употребления слов, не идут дальше признания некой гипнотической силы философского или научного языка, а также различного рода модных слов и лозунгов. «Ограничиться только этим – значит не принимать сути одной из важнейших форм связи, которую Сепир усматривал между языком, культурой и психологией... Мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей не столько в особых случаях употребления языка, сколько в его постоянно действующих общих законах и повседневной оценке им тех или иных явлений» [8, с. 158].

О мощнейшем влиянии второй сигнальной системы человека на возникновение и развитие социума писал известный российский историк и психолог Б.Ф.Поршнев. Именно его перу принадлежит известная гипотеза о социогенезе человека, где важнейшую роль играет суггестивное воздействие, через которое одна часть палеоантропов подчиняла себе другую. В его работах синтетическим образом объединены данные из антропологии, психологии, археологии, истории языка и культуры, эволюционных теорий, и возникновение речи, мышления, искусства связывалось прежде всего с феноменом суггестии. Он считал, что вторая сигнальная система изначально возникла как система принуждения: «Вначале, в истоке, вторая сигнальная система находилась к первой сигнальной системе в полном функциональном биологическом антагонизме. Перед нашим умственным взором отнюдь не «добрые дикари», которые добровольно подавляют в себе вожелания и потребности для блага другого: они обращаются друг у другу средствами инфлюации, к каковым принадлежит и суггестия, для того чтобы подавлять у другого биологически полезную тому информацию, идущую по первой сигнальной систе-

ме, и заменить ее побуждениями, полезными себе» [9, с. 417]. Недаром в культуре первобытного общества утверждалась идея магической связи между словом и вещью, между именем и родовой сущностью человека. Именной код культуры, о котором писал, например, М.К.Петров, имел в своей основе первобытные представления о «телесности слова и словесности тела».

Языковая суггестия, существующая в настоящее время в различных формах и пронизывающая собой все сферы человеческого взаимодействия и общения – от бессознательного до сознательного уровня, - усиливается при помощи специальных языковых маркеров – суггестем, которые активно воздействуют на поведение индивидов, на их предпочтения в выборе тех или иных смыслов культуры. При этом следует особенно подчеркнуть, что этот выбор часто осуществляется помимо нашего интеллектуального контроля. Власть языка, проявляющаяся в формировании того или иного образа и культурной картины мира человека, которая вплетена «естественным» образом в ткань межкультурной коммуникации, может существовать и в социально-организованной форме. Тождество слова и дела, исходящее из максимы «сказать что-либо – значит сделать что-либо», реализуется как в старых как мир формах заговоров, заклятий, магических ритуалов, так и в современных аутогенных тренировках, рекламе и т.п. Особенно ярко выражается власть слова в политической сфере. Еще Муссолини, один из родоначальников фашистской идеологии и фашистского движения, говорил: «Слова имеют огромную колдовскую силу». Его программу «фашизации масс» называли «семантическим терроризмом», который привел в конце концов к возникновению «антиязыка». О мощном воздействии языка на «программирование» действий человека, морфологию его культуры, говорили Ф. де Соссюр, А.А.Потебня, М.М.Бахтин и др. Еще К.Маркс утверждал: «Мы – рабы слов».

Власть английского над глобализирующимся миром, которая во многом зиждется на доминировании экономики США, может рухнуть, поскольку, как показывают кризисные события 2008-2009 гг., финансовая и экономическая мощь Америки зиждется на весьма хрупком фундаменте. И если в глобальном мире будет сформирован новый экономический порядок, то это необходимым образом приведет к культурно-языковой экспансии со стороны других центров силы в формирующемся многополярном мире. Все это, есте-

ственно, приведет к значительным изменениям в процессах межкультурного, межнационального коммуникативного языкового взаимодействия.

Литература

1. *Иноземцев В.Л.* Вестернизация как глобализация и глобализация как американизация // Вопросы философии. 2004. № 4.
2. *Кристалл Д.* Английский язык как глобальный. М., 2001.
3. *Graddol, D.* English On Decline For World Youth // www.guardian.co.uk/britain/article. 27.02.2004.
4. *Berns, M.* Didactic and Pragmatic Approaches To English Language Teaching. Assumptions // English Unites the World. Proceedings of the International Conference. Saratov, 2002.
5. *Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М., 2000.
6. *Nettle D.* Linguistic fragmentation and the wealth of nations: The Fishman-Pool hypothesis reexamined // Economic Development and Cultural Change. Chicago, 2000. Vol. 48. Issue 2.
7. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т.1. М., 1992.
8. *Уорф Б.* Отношение норм поведения и мышления к языку // Языки как образ мира. М.-СПб., 2003.
9. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.

***Южный федеральный
университет***

3 февраля 2009 г.